

11. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. – М.: РГГУ, 2002. – 685 с.
12. Садыкова Л.В. Жанр русского эссе в теоретико-литературном пространстве XX века// Література в контексті культури: Зб. наук. пр. – Дніпропетровськ, 2006. – Вип. 16.
13. Старостина Г.В. О продуктивности изучения структуры межжанровых образований (на материале очерка Г.И.Успенского «Волей–неволей») // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1999. – №1. – С. 60 – 69.
14. Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 50-е гг) – Дисс... на соиск. уч. ст. канд. филолог. наук: 10.01.02 – М., 2006. – 202 с.
15. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 575 с.
16. Федотов О.И. Основы теории литературы. – В 2-х ч. – М.: Владос, 2003. – Ч.2. – 238 с.
17. Федотовских Т.Г. Листовка как жанр политического дискурса: когнитивно-прагматический анализ. – Авторефер. дисс... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук: 10. 02.01. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.
18. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: «Высшая школа», 2000. – 398 с.
19. Явчуновский Я.И. Документальные жанры. Образ, жанр, структура произведения. – Саратов: Издательство Саратовского ун.-та, 1974. – 232 с.
20. <http://fege.narod.ru/librarium/duganov/4.htm>
21. www.ruthenia.ru/document/532273.htm _ 60k

Яременко Т.Г.

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ТЕМПОРАТИВОМ ВЕСНА И ЕГО ПРОИЗВОДНЫМИ (вербальный блок)

Время принадлежит к числу фундаментальных категорий, формирующих языковую картину мира. В современной филологической науке взаимосвязь реального времени с формами его отображения в той или иной сфере человеческой деятельности (в том числе и языковой) эксплицируется в темпоральных отношениях, которые имеют определенные формальные средства выражения (словообразовательные, лексические, грамматические и др.). В свою очередь, только интеграция всех темпоральных отношений в языке помогает полноценно определить «характер языкового отображения топологических и метрических параметров реального времени... Без таких интеграционных понятий изучение языковой системы распадается на отдельные фрагменты, слабо связанные друг с другом» [1, с. 1].

Исследования темпоральных отношений в русском и близкородственных ему языках зиждутся на понимании языка как системно-структурного образования. Тезис «язык – система взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц» стал своеобразной теоретической доминантой современных лингвистических исследований, предопределяя комплексные подходы к изучению языковых явлений, согласно которым система экспликации темпоральных отношений не должна изучаться сепаративно, в отрыве от общей языковой организации.

Представления о системности лексики в лингвистической литературе определились сравнительно недавно, хотя целый ряд соответствующих теоретических положений был выдвинут еще в XIX ст. Например, еще в 90-е годы XIX века М.Покровский подчеркивал необходимость комплексного изучения семантической динамики не отдельных лексических единиц, а целых рядов слов, которые связаны друг с другом по значению. Высказанные в работах ученого мысли о том, что следует рассматривать слова, входящие в определенные «сферы представления», возможно, следует рассматривать как первые предпосылки для последующего оформления полевого метода изучения лексики.

С точки зрения системного исследования лексического материала, огромный интерес представляют также лексикологические и семасиологические постулаты А.А.Потебни, который считал, что «изменение значений слов определяется закономерными связями семантических групп в общей системе языка» [7, с. 218].

Впоследствии эти взгляды были существенно развиты в работах Л.В.Щербы, В.В.Виноградова, Б.А.Ларина, Ф.П.Филина и др., в которых системное изучение лексики русского языка реализовалось как новое и важное направление развития русского языкознания.

Благодаря активизации системно-языкового подхода на современном этапе стало возможным развернуть соответствующие функционально-ономасиологические исследования и собственно темпоральных единиц (А.В.Бондарко, М.В.Всеволодова, Д.Г.Ищук и др.). Уже общепризнанно, что языковые единицы, реализующие в языке и речевой практике семантику времени, организуются в мощное, многоуровневое функционально-семантическое поле темпоральности. При этом «грамматическая категория времени глагола, т.е. грамматическое поле времени и лексико-семантическое поле времени – ядро языкового поля времени, . – это основные средства выражения концептуальных временных понятий, а остальное – периферия, т.е. дополнительные средства выражения темпоральности, имеющие специфический характер в каждом конкретном языке» [5, с. 35].

Рассматривая способы выражения временных отношений в современном русском литературном языке, М.В.Всеволодова [3, с. 29–32] выделяет целый ряд классов и подклассов лексических носителей семантики времени. Среди них – класс названий времен года: весна, лето, осень, зима.

В данной работе мы сосредоточим внимание на микрополе, организуемом в русском языке за счет словообразовательного и семантического развития темпорального подкласса «весна», рассмотрим ряд девербатов с соответствующим временным значением.

Согласно МАС, лексема *весна*, в современном русском литературном языке употребляется в значении «время года между зимой и летом // *перен.* Пора расцвета, молодости» [11, Т. I. – с. 154].

По данным «Этимологического словаря» П. Черных, название времени года *весна* – древнерусское, восходящее к старославянскому. Указывая на наличие соответствующих родственных единиц в болгарском, чешском, сербохорватском, словенском, словацком, польском и др. славянских языках, П. Черных приводит убедительную мотивировку происхождения этой лексемы через ее этимологическое родство с укр. *весна*, белор. *вясна*, словен. *vesna*, польск. *wiosna*, чеш. и словац. *vesna*. Показательно, что современное название времени года *весна* было употребительно еще в XI в. в др.–рус. языке, восходя к старославянскому и индоевропейскому [19, с. 145].

В результате компонентного анализа данной лексемы выделяется архисема ‘время’, темпоральная гиперсема ‘время года’ и сема–дифференциатор ‘конец зимы’. Признак «температурный режим» конкретизируется в доминирующем семантическом компоненте ‘тепло’. Наличие семантического признака ‘тепло’ подтверждают этимологические данные: «*весна. Корень *ves–, тот же, что и в лит. *vāsara* – «лето», латыш. *vasara* – тж., где основа восходит к и–е *ues–г–» [19, с. 145]. Таким образом, можно утверждать, что для семантической структуры названия времени года *весна* характерны собственно–темпоральные и качественные признаки.

Учитывая, что словообразовательная активность любой лексемы детерминирована объемом ее семантической структуры, можно предположить достаточно большую дериватологическую потенциальность существительного *весна*. Правомерность такого предположения подтверждается результатами лексикографической выборки из словарей литературного языка и народных говоров. Произведенный анализ дает основания говорить о формировании мощного вербального блока и менее репрезентативных субстантивного и адъективного блоков. Производные зафиксированы только от ЛСВ₁, в отличие от близкородственного украинского языка, где глагол *веснити* кодифицирован в двух ЛСВ: «1. Вступати в в силу (про весну). 2. *перен.* Розквітати» [15, Т. I. – С. 341]. ЛСВ₂ активно представлен единицами метафорического характера: «У ласці людини **весніє**, мов квітка під сонцем» (П. Тичина); «Хай **весніють** і думи, й пориви мої» (В. Сосюра); «У ласці людини **весніє**, мов квітка під сонцем» (Ю. Мушкетик). В русском языке единичные словоупотребления типа «Она вся рай, вся радости полна, И в ней любовь роскошная **веснует**» (Н. Гоголь) квалифицируются как поэтические окказионализмы.

В современном русском литературном языке от существительного *весна* нормативные глаголы не образуются. Однако словари регионального словоупотребления систематически фиксируют производный глагол несовершенного вида *весновать*, полностью воспроизводящий семантику генератива в объеме ЛСВ₁. – «проводить весну» [4, Т. I. – С. 45].

Таким образом, исходя из словарной дефиниции, можно утверждать, что лексический объем глагола *весновать* обеспечивает его формально–семантическая связь со словом *весна*. Использование морфемы –*ова(ть)* (ср. *летовать*, *зимовать*) позволяет отнести данный дериват к регулярной модели «совершать действие экзистенциального характера в период, названный производящим словом» (ср. *годовать*, *вековать*) [РГ – 80]. В микропарадигме сезонных слов вербальности этого типа сохраняют словообразовательную и семантическую связь с производящими основами, заполняя все ячейки словообразования: *зима* → *зимовать*, *лето* → *летовать*, *весна* → *весновать*, *осень* → *осеновать* (*осеневать*). Подтверждением этому может служить их интерпретация в диалектологических источниках, где они образуют единый лексикографический контекст вербальных, мотивированных названиями временных отрезков: «Годовать – жить год, зимовать – зиму, летовать, лето, весновать = весну, осеновать – осень» [14, Т. I. – С. 67].

В XII веке русский глагол *весновать* функционировал в двух ЛСВ: «проводить где-либо весну» и «останавливаться где-либо, дожидаясь конца распутицы» [9]. Впоследствии семантический диапазон глагола несколько расширился, развил дополнительный ЛСВ «праздновать наступление весны» [8, Т. I. – С. 398]. Наиболее поздние ЛСВ₄ и ЛСВ₅ «содержат имплицированные семы ‘период сезонных работ’» [6: с. 151]. Их продуктивность подтверждается наличием в близкородственном украинском языке глагола *веснувати* в обобщенном значении «виконувати сільськогосподарські роботи» [15, Т. I. – С.].

На современном этапе слово *весновать* развило целый комплекс региональных ЛСВ, отражающих особенности народной жизни, обычаев, связанного со временем года *весна* промысла и др.: «1. Проводить где-либо весну, оставаться где-либо на весну. 2. Останавливаться где-либо во время пути весной, ожидая вскрытия рек или более удобного для езды времени. 3. Праздновать наступление весны. 4. Промышлять в море рыбу и зверя ранней весной (в северном океане). // Проводить весну на промысле. // Охотиться весной на гусей. 5. Пасты скот на летнем пастбище» [13, Вып. 4. – С. 185].

Следует учитывать, что приведенный набор ЛСВ представляет общую тенденцию расширения смыслового объема глагола *весновать* в русских говорах. Однако в каждой конкретной территориальной субсистеме данная единица, как правило, актуализирует один из указанных ЛСВ.

Речевую активность данного производного подтверждают также многочисленные иллюстрации из языка художественной литературы: «12 апреля был послан **весновать** в селение Ухта лейтенант Бошняк» (Невельск.); «А отец наш с старшим братом моим и со мною остался **весновать**, чтобы с первым путем отпустить нас в Петербург» (И. Дмитриев); «Прошу тебя, любезный оружок, известить меня: где ты будешь **весновать** в этом году?» (Письмо М. Максимовича к М. Погодину); «Святослав прибыл **весновать** в Новгород, где жители встретили его как победителя» (Карамзин); «Мои родители **весновали** в Москве» (Чичерин). Глагол реализует событийно–темпоральное, а не собственно темпоральное значение и находится на второй ступени словопроизводства.

Длительность и экзистенциальность, представленные в семантической структуре глагола, поддержи-

ваются наличием в контексте словообразовательного аналога из другого СГ, мотивированного названием времени года: «*Ссылные люди у Соли веснуют и осенуют*» (Акты ист.).

Глаголы, которые в своем значении имеют семантический компонент «быть во время S-a», как правило, содержат дополнительные компоненты, конкретизирующие характер называемого глаголом действия. Для вербатива *весновать* это сема «заниматься охотой, рыбным промыслом», что подтверждается материалами многих словарей регионального употребления.

В отдельных случаях экзистенциальный признак, имплицированный в структуре глагола *весновать*, имеет оценочный характер – «жить весною в работниках или вообще на чужой стороне», зафиксировано в Слов. Акад. [10]. Качественно-субъектное значение, вычленяемое в словоупотреблениях такого типа, может стимулировать следующую ступень словообразования: тот, кто веснует → *весновщик*. В лексической системе русского языка такая единица не представлена, однако правомерность нашего предположения подтверждается последовательностью словообразовательной цепочки *зима* → *зимовать* → *зимовщик*.

Префиксальные связи глагола *весновать* более ограничены по сравнению с другими глаголами, мотивированными темпорлексемами *зима*, *лето*. В результате превербации образованы производные *провесновать*, *обвесновать*, *завесновать*, составляющие видовую пару с производящим и сохраняющие мотивационную связь с качественно-темпоральными семами 'часть года', 'сезон' слова-вершины СГ *весна*.

В словаре В. Даля представлен превербальный глагол *провесновать* – «провести весну, пробыть» [4: Т. III. – С. 470], который относится к терминативным глаголам специально-результативного способа действия, означающим «законченность какое-то время продолжавшегося действия» [РГ–80]. Экзистенциально-процессуальное значение мотивирующего глагола *весновать* в этом случае уточняется количественно-временной приставкой *про-* (ср. *прозимовать*).

В вербальный блок входит непереходный глагол совершенного вида *обвесновать* – «быть застигнутым в дороге весенней распутицей, пересаживаться в пути весной из саней в повозку» [13, Вып. 21. – с. 359] и отражает качественно-темпоральные признаки 'сезон' 'тепло'. На основе анализа формально-семантических отношений между ЛСВ₂ мотивирующего глагола *весновать* и мотивированным превербативом можно сделать вывод о наличии в семантической структуре мотиванта качественного признака 'температурный режим'. Производное *обвесновать* семантически связано с качественно-темпоральными признаками 'таяние снега' и 'температура воздуха', имплицированными в семантике слова *весна*.

Превербатив *завесновать* образован с помощью префикса *за-*, лексическое указание на отрезок времени *весна* содержится в мотивирующем глаголе. Единица актуализируется только на уровне диалектной речи, где функционирует в двух ЛСВ: «остаться на весну, провести где-либо весну» [4, Т. I. – с. 1396] и «почувствовать весну и половое влечение (о животных)» [10]. Последующее развитие ЛСВ₂ привело к редуцированию собственно-темпоральных признаков и затемнило мотивационную связь со словом – вершиной СГ *весна*: «завесновать – слишком увлечься половой страстью» [13, Вып. 9. – с. 308].

Постфиксация глагола *завесновать* приводит к образованию производного третьей ступени словообразования *завесноваться* – «остаться где-либо на весну» [13, Вып. 9 – с. 308]. В процессе развития языка семантическая структура девербатива, используемого лишь в диалектной подсистеме, сохранила темпоральное значение мотиванта.

Словообразовательные ступени могут быть схематизированы таким образом: *весновать*, *провесновать*, *обвесновать*, *завесновать*, *завесноваться*.

В СГ слова *весна* представлен глагол совершенного вида *навесноваться* – «весновать досыта, до доуки» [4, Т. II. – с. 385].

«Словарь русских народных говоров» фиксирует глагол *обвеснеть*. Он образован по непродуктивной для этого типа словообразования модели «об- + существительное + -е-(ть)», что позволяет говорить о его деривационной эксклюзивности.

Лексическое значение глагола реализуется в нескольких ЛСВ: «1. безл. О наступлении весны. 2. Много победствовать весной, не имея продовольствия. 3. Высохнуть (о дровах, заготовленных с зимы)» [13, Вып. 21. – с. 359]. На основе словарной дефиниции можно сделать вывод, что в этом случае в мотивате реализуется весь семантический объем мотиванта. Кроме того, в ЛСВ₂ глагола *обвеснеть* появляется факультативный семантический признак 'недостаточно еды'. ЛСВ₃ мотивирован качественно-темпоральным семантическим признаком 'тепло'.

Как известно, данные близкородственных языков часто дают возможность восполнить словообразовательные пробелы или же наметить лексические лакуны в русском. На основе общности словообразовательных моделей и закона языковой взаимоположенности, систематизации лексикографического материала можно предположить логичность существования словообразовательных аналогов, нормативно функционирующих в системе украинского, белорусского и др. славянских языков. Напр., «Словник української мови» фиксирует глагольные единицы *завесніти* [15, Т. III. – с. 44], *повесніти* [15, Т. VI. – с. 645] и *розвеснятися* [15, Т. VIII. – с. 628], объединенные общим качественно-темпоральным признаком «начинается весна». Логично предположить, что потенциально возможные, однако лексикографически не закрепленные единицы *завеснеть*, *повеснеть* в русском языке образуют лакуны в СГ слова *весна* (ср. *заосенеть*, *поосенеть* и др.).

Таким образом, слово *весна* мотивационно связано с производными глаголами, в семантике которых реализованы ядерные качественно-темпоральные признаки слова *весна* 'время года', 'сезонные работы', 'более теплое, чем зима', 'таяние снега', т. е. деривационный процесс стимулируется семантическим объемом мотиватора.

Многие из зафиксированных в процессе развития русского языка производных от лексемы весна глаголов со значением времени были утрачены, иные сохранились в народных говорах, подтверждая, что иногда «тот или иной потенциально древний элемент лексики самым причудливым образом всплывает на разных концах Славии...» [18, с.19].

Источники и литература

1. Бондар О.І. Система і структура семантичних полів темпоральності в сучасній українській літературній мові: Автореф. дис... канд. філол. наук. – К., 1998. – 33 с.
2. Великий тлумачний словник української мови /укл. і голов. ред. В.Т.Бусел. – К., Ірпінь, 2001. – 1440 с.
3. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. – М.: МГУ, 1975. – 282 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1981.
5. Ищук Д.Г. Лексико-семантическое поле как выражение концептуальной модели времени в языке (на русско-славянском материале). – Дисс... канд. филол. наук. – СПб, 1995. – 227 с.
6. Плужникова Т.И. Типология комплексных единиц словообразования: прогнозирующая функция. – К., 2002. – 256 с.
7. Потебня А.А. Мысль и язык. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – 614 с.
8. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.)/Гл. ред. Р.И. Аванесов. – М: Русский язык, 1989. – Т. 2. – 494с.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв./Ред.Г.А. Богатова. – М.: Наука, 1975–1991. – Вып. 1–17.
10. Словарь русского языка, сост. II-ым отделением Императорской Академии наук. – СПб., 1906–1907.
11. Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. испр. и доп. – М. 1981–1984.
12. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти тт. /АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.–Л.: Наука, 1948–1965.
13. Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1961 – 1999. – Вып. 1–33.
14. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. – Томск: ТГУ, 1964–1967. – Т.1–3.
15. Словник української мови: В 11т. – К.: Наук. думка, 1970–1980.
16. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб., 1893–1912. – Т.1–3.
17. Фасмер М. Этимологический словарь рус. яз: В 4-х т. /Под ред. и с предисл. проф. Б.А.Ларина. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986.
18. Трубачев О.Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003): Доклад пленарного заседания. – XIII Международный съезд славистов Любляна (Словения), 2003 г./ Отв. Ред. И.Б. Еськова. – Москва: Институт русского языка РАН, 2003. – 47 с.
19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М: Русский язык, 1993. – Т. 1–2.

Ярулина М.С.

ФОРМИРОВАНИЕ СПОСОБНОСТЕЙ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Украина четко определила ориентир на вхождение в образовательное и научное пространство Европы, осуществляет модернизацию образовательной деятельности в контексте европейских требований, принятых Болонской декларацией. Одним из определяющих критериев образования в рамках Болонского процесса является качество подготовки специалистов, соответствие европейскому рынку труда; мобильности, укрепления доверия между объектами образования, совместимости квалификации на вузовском и поствузовском этапах подготовки, повышении конкурентоспособности Европейской системы образования. [1].

Все вышеуказанное требует от преподавателей иностранного языка необходимости обращения к проблеме развития способности обучающихся к межкультурному общению. Проблема создания образа страны носителей языка, равно как и образа единой Европы, имеет большое значение, поскольку ее решение связано с проявлением недоверия между народами, разрушение между различными лингвокультурами. Необходимо ориентировать обучающихся на диалог культур, предусматривая коммуникативное и социокультурное развитие будущих специалистов. Успешное достижение современной цели обучения иностранному языку направлено на формирование у студентов способности к межкультурному общению, требует последовательной реализации социокультурного подхода к отбору и организации содержания обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Студент – будущий специалист должен достичь такого уровня владения английским языком, который бы не создавал барьер при коммуникации в деловом мире, начиная с самых начальных стадий общения с зарубежными партнерами.

Социокультурный подход диктует необходимость включения в качестве одного из компонентов содержания обучения иностранному языку эмпатии. Это способность личности не допускать возникновения коммуникативного барьера в межкультурном общении, в межкультурной коммуникации. Под межкультурной коммуникацией в лингводидактике понимается адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [2]. Человек не рождается с умением общаться на уровне интеллигентного носителя языка. Эта способность приобретается и развивается в ходе